

Меметов Айдер Меметович, доктор филологических наук, профессор, декан факультета крымскотатарской и восточной филологии Таврической академии Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, г. Симферополь

e-mail: aydem44@mail.ru

ДИАЛЕКТНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В НАЗВАНИЯХ ДЕРЕВЬЕВ, КУСТАРНИКОВ И ЧАСТЕЙ РАСТЕНИЙ В КРЫМСКОТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ¹

Аннотация: в статье исследуются лексические и фонетические различия в названиях деревьев, кустарников и частей растений в крымскотатарском языке, выявляются лексемы, вошедшие в крымскотатарский язык из кыпчакизированного (северного) и огузированного (южнобережного) диалектов.

Ключевые слова: крымскотатарский язык, кыпчакизированный (северный) диалект, огузированный (южнобережный) диалект, классификация, деревья, кустарники, части растений.

DIALECTIVE DIFFERENCES IN NAMES OF TREES, BRANCHES AND PARTS OF PLANTS IN THE CRIMEAN TATARIAN LANGUAGE

Ayder Memetovich Memetov, doctor of Philology, professor, Dean of Crimean Tatar and Oriental Philology Department of Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky, Russia, Republic of Crimea, Simferepol

e-mail: aydem44@mail.ru

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта 15-34-10116 «Электронный словарь диалектов крымскотатарского языка».

Summary: in this article we have studied lexical and phonetical differences in the names of trees, bushes and parts of the plants in the Crimean tatar language. In our paper we picked out words that had come in the Crimean tatar language from kipchak (northern) and oguz (southern) dialects.

Keywords: crimean tatar language, kipchak (northern) dialect, oguz (southern) dialect, classification, trees, shrubs, parts of plants.

Как известно, современный крымскотатарский язык сформировался в результате объединения двух его основных диалектов – северного (кыпчакизированного) и южнобережного (огузизированного). Лексические и фонетические различия этих двух диалектов наглядно проявляются и в названиях деревьев, кустарников и частей растений.

Деревья подразделяются на две большие группы: лесных пород и садовых.

Наименования деревьев лесных пород разделяются на названия: а) хвойных: *чам* // *нарат* «сосна», *сары чам* «сосна обыкновенная», *къара чам* «сосна черная австралийская»; б) лиственных: *эмен* «дуб», *къарагъач* «вяз», «карагач», *акъагъач* // *акъкъайын* «береза», *бик* «бук», *кокагъач* «граб», *тал* «ива», «верба», *ювез* «рябина», *къушкырези* «черемуха», *акъкъавакъ* // *сельби* «белый (серябристый) тополь», *дут тереги* «тутовое дерево», «шелковица».

К названиям садовых деревьев относятся: *алма тереги* «яблоня», *эрик* «слива». Заметим, что среди названий плодовых деревьев в крымскотатарском языке много заимствований из персидского (*зердали* «урюк», *нар* «гранат», *шефтали* «персик», *бадем* «миндаль», *инджир* «инжир», «смоковница»), итальянского (*портакъал* «апельсин»), арабского (*джевиз* «грецкий орех», *хурма тереги* «финиковая пальма») языков.

В группу названий кустарников входят: *юзюм* «виноград», *къызылчыкъ* «кизил», *итбурун* «шиповник», *бурюльген* «ежевика», *эрылгъан* «сирень» и т.д.

Произведенный сравнительный анализ крымскотатарских названий деревьев и кустарников с соответствующими названиями в других тюркских

языках (в общей сложности было проанализировано 158 лексических единиц, которые обозначают 35 видов) показал, что общими для всех или широко распространенными среди тюркских языков являются 12 наименований: из них шесть наименований деревьев лесных пород – *тал, къайын, эмен, бик, дут, къарагъач*; два наименования садовых деревьев – *алма, эрик*; четыре наименования кустарников – *юзюм, бурюльген, къызылчыкъ, итбурун*. Интересно отметить, что в ряде тюркских языков, в том числе и в крымскотатарском, широкое распространение получили семь наименований плодово-ягодных деревьев, заимствованных из других языков: *инджир, фындыкъ, нар, бадем, армут, шефтали, зейтюн*.

Крымскотатарские наименования *сосны, апельсина, абрикоса, ореха, берёзы, рябины, барбариса, вишни, черешни* и *кипариса* свидетельствуют о тесных контактах крымскотатарского языка с турецким и другими юго-западными языками. Связь крымскотатарского языка с татарским проявляется в наименовании граба – *кокагъач*. Лексема *эрылгъан*, обозначающая сирень, распространена только в тюркских языках Крыма.

Название *каштана, винограда, жасмина, граната, тутовника* образуют фонетические ареалы в тюркских языках.

Название кизила, имея общий корень, дифференцирует тюркские языки по морфологическим особенностям.

Наименованиями березы в современном крымскотатарском языке служат синонимы *акъагъач* и *акъкъайын*. Ареал распространения производной лексемы *акъагъач* (состоит из акъ «белый» и агъач «дерево») ограничен территорией Крыма (кар. к. *акъагъач*) и Малой Азии (тур. *akağaç*).

Другое наиболее распространенное название березы *къайын* с некоторыми фонетическими изменениями имеется в: алт., каз., ккалп., кирг. *қайын*, тат., башк. *кайын*, тур. *kaın*, гаг. *кайын*, узб. *қайин*, уйг. *қейин*, азерб., туркм. *гайын*, хак. *хазың*, тув. *хадың*, якут. *хатың*, чув. *хурӑн*. В различных фонетических вариантах эта лексема встречается и в словаре Махмуда Кашгарского [1. МК, I, с. 68].

В семантическом плане выделяется турецкий, где лексема *kaun* обозначает *бук*.

Основным названием *сосны* в крымскотатарском литературном языке выступает слово *чам*, характерное главным образом для огузских языков: тур. *çam*, гаг. *чам*, кар. к. *чам*, азерб. *шам*. Другое наименование сосны – *нарат* проникло из кыпчакизированного диалекта. Лексема *нарат* распространена в основном в западнокыпчакских языках (кумыкский, карачаево-балкарский, караимский) и татарском.

В подавляющем большинстве тюркских языков для обозначения сосны употребляется *къарагъай*, охватывающее обширный ареал – Сибирь, Среднюю Азию, Казахстан, Поволжье, Северный Кавказ: алт. *карагай*, каз. *карагай*, калп. *карагай*, кирг. *карагай*, узб. *карагай*, башк. *карагай*, уйг. *карагай*, хак. *карагай*, *карахаза*, тув. *хады*, чув. *хыр*. Рассматриваемое наименование в якутском языке в форме *хырыйа* обозначает *ель*.

Следовательно, в наименовании *сосны* крымскотатарский литературный язык обнаруживает близость с юго-западными тюркскими языками, в которых используется *чам*; это слово можно рассматривать как ареальное огузское название.

В крымскотатарском языке для обозначения тополя употребляются синонимы *акъкъавакъ* и *сельби*. Производная лексема *акъкъавакъ* состоит из *акъ* «белый» и слова *къавакъ*, используемого в огузских языках для обозначения тополя: азерб. *говаг*, гаг. *кавак*, тур. *kavak*. Арабское заимствование *сельби* в различных фонетических вариантах имеется в азерб., уйг. *сарв*, башк. *саруи*, калп. *сарби*, тур. *servi*, *selvi*, туркм. *серви*, узб. *сарв*, кар. к. *сельби*. Во всех языках данное наименование обозначает кипарис. В крымскотатарском языке *сельби* имеет нерасчлененную семантику; оно употребляется для обозначения *тополя* и *кипариса*.

В других тюркских языках наиболее распространенным названием тополя выступает слово *терек* (иногда в сочетании с определением *акъ*) в различных

формах: алт., ккалп., кирг., тув. *терек*, ног., кбалк. *ақ терек*, башк. *ак тирәк*, тат. *тирәк*, туркм. *дерек*, узб. *терак*, уйг. *терәк*, хак., чув. *тирек*, якут. *тирэх*.

В тюркских языках для обозначения *рябины* есть 10 названий: из них лишь четыре слова образуют основные ареалы: 1) лексема *ювез* с незначительными фонетическими различиями распространена в тюркских языках Закавказья, Малой Азии и Крыма: азерб. *үвәз*, тур. *üvez*, ктат. *ювез*; 2) лексема *милеш* с некоторыми фонетическими отклонениями характерна для тюркских языков Поволжья: башк., тат. *милеш*, чув. *пильиш*; 3) лексема *четин* употребляется в тюркских языках Средней Азии и Казахстана: узб. *четан*, уйг., кирг. *четин*, каз. *шетен*; 4) русское заимствование *рябина* функционирует в тюркских языках Сибири, Северного Кавказа и Средней Азии: якутском, тувинском, кумыкском, ногойском, узбекском, туркменском, каракалпакском. Другими наименованиями *рябины* выступает в алт. *беле*, башк. *мышар*, кбалк. *такьюзюк*, тув. *хөөрүүс*, хак. *мүндүргес*, якут. *сарбынньях*.

Таким образом, в обозначении *рябины* крымскотатарский язык образует ареал вместе с юго-западными, или огузскими, языками, используя слово *ювез*.

Для обозначения *ореха* в тюркских языках существует четыре наименования, которые делят их на четыре ареала: 1) наиболее распространенное название ореха – *қоз* охватывает Сибирь (алт. *кузук*, хак. *хузух*), Среднюю Азию (ккалп. *ғоз*, туркм. *хоз*), Закавказье (азерб. *ғоз*) и Северный Кавказ (кум., ног. *қоз*); 2) лексема *четлевик* в различных фонетических вариантах употребляется в башкирском, казахском, карачаево-балкарском, кумыкском, татарском, тувинском; 3) лексема *йонгақ* – *орех* характерна для тюркских языков Средней Азии и Казахстана: узбекского, уйгурского, казахского и киргизского; 4) в крымскотатарском, турецком, гагаузском и караимском (крым. диал.) языках понятие *орех* передается словом *джевиз*. Следовательно, название *ореха* объединяет в одну группу тюркские языки Крыма и Малой Азии.

Наименованием *барбариса* в тюркских языках выступают восемь слов, и только три лексемы образуют ареалы: 1) в большинстве языков,

распространенных на огромной территории расселения тюркских народов, используется русское заимствование: алт., башк., каз., калп., тат., тув., туркм., чув., якут. *барбарис*; 2) иранское заимствование употребляется в карлукских (узб., уйг. *зирк*), азербайджанском (*зиришк*) языках, имевших продолжительные и интенсивные контакты с ираноязычными племенами и народами, проживающими на близлежащих территориях; 3) производное слово *къатынтузлукъ* – *барбарис* специфично для крымскотатарского, кумыкского и турецкого (*kadın tuzluğu*) языков. Другими наименованиями *барбариса* являются: кбалк. *тюртю*, кум. *ханцагъач*, кирг. *сары жыгач*, тур. *amberbaris*, *sarıcah*.

Следовательно, в наименовании барбариса крымскотатарский язык также обнаруживает близость с турецким; в кумыкский язык это слово вошло, по-видимому, через крымскотатарский.

Общетюркское название винограда дифференцирует современные тюркские языки по фонетическим признакам. Наиболее древняя форма *үзүм* (*üzüm*), зафиксированная в древнетюркских памятниках приблизительно с IX в. (*jüzüm*, *üzüm*, *jıldızı* корень (~ *чубук*) *белого винограда* – [2. ДТС, с. 266], сохранилась в азербайджанском, гагаузском, турецком, туркменском и уйгурском языках. К этой группе примыкает и узбекский, в котором гласные депалатализованы – *узум*.

В современных тюркских языках не менее известна форма *йүзүм* с начальным согласным *й*. Эта форма объединяет крымскотатарский язык с караимским (крым. диал.), башкирским, татарским, кумыкским и ногайским.

Форма с начальным *ж* есть в казахском, каракалпакском – *жүзим*, киргизском – *жүзүм* и карачаево-балкарском – *джюзюм*.

В древнетюркских памятниках лексема *үзүм* встречается в двух значениях: *ягоды винограда и виноград* – *вьющееся плодовое кустарниковое растение* [2. ДТС, с. 266, 631]. В современном крымскотатарском языке семантика слова *юзюм* расширилась: кроме указанных значений (*юзюм*

ашамакъ – есть виноград, юзюм отуртмакъ – сажать виноград), оно обозначает виноградную лозу: *юзюм пытамакъ – подрезать виноградную лозу*.

Таким образом, крымскотатарский язык в обозначении *винограда* по фонетическим признакам примыкает к тюркским языкам Поволжья и Северного Кавказа, в которых используется форма с начальным **й**.

Общетюркское название *тутового дерева* делит современные тюркские языки на два фонетических ареала: 1) в большинстве языков наименование *тутового дерева* функционирует с начальным глухим согласным: азерб., башк., каз., ккалп., ног., тат., узб., туркм., чув. тут¹ кирг. тыт; 2) в крымскотатарском, турецком, гагаузском и караимском (крым. диал.) данное слово имеет начальный звонкий согласный – **д**ут.

Следовательно, по фонетическим признакам название тутовника также сближает крымскотатарский язык с тюркскими языками на территории Малой Азии и Крыма.

Наименование *кизила* дифференцирует тюркские языки на базе своих морфологических особенностей. Так, в крымскотатарском для обозначения кизила используется производное слово *къызылчыкъ* (состоит из **къызыл** + уменьшительный аффикс **-чыкъ**), имеющееся в турецком, гагаузском и караимском (крым. диал.) языках. Это же слово, но без морфологического наращения, широко распространено в других тюркских языках: башк., каз., ккалп., кирг. *қызыл*, ног., тат., туркм., узб., хак., якут *кизил*. В карачаево-балкарском и кумыкском используется слово *чум*, а в азербайджанском – *зогал*.

Следовательно, в обозначении *кизила* крымскотатарский язык образует морфологический ареал с юго-западными (турецким, гагаузским) и караимским языками.

Анализ названий деревьев и кустарников в крымскотатарском языке позволяет сделать следующие выводы.

¹Относительно этимологии этого слова среди ученых нет единого мнения: одни исследователи полагают, что в его основе лежит персидский корень (Н.К. Дмитриев, А.К. Боровков), другие считают, что это арабское слово (см.: Преображенский), третьи связывают его с санскритским и арамейским языками (см.: Егоров). К.М. Мусаев рассматривает данное слово как общетюркское название (подробно см.: Ишанкулов Ю. К истории названий плодов в узбекском языке, с. 32)

1) Растения, имевшие в глубокой древности большой удельный вес в хозяйственной жизни тюркских народов (например, *береза, яблоня, ива, виноград* и т.п.), часто носят общие для всех или многих названия, входящие в данную группу языков и диалектов.

2) Большинство крымскотатарских названий деревьев и кустарников образуют общие ареалы с близлежащими в историческом прошлом тюркскими языками – турецким, караимским (крым. диал.) и гагаузским. Это относится и к собственно крымскотатарским наименованиям (например, *бурюльген – ежевика, кьушкирези – черемуха* и т.д.), и к заимствованиям, значительная часть которых проникла в крымскотатарский язык из иранских, арабского, итальянского и греческого, возможно, через турецкий.

3) Общность крымскотатарского языка с турецким, гагаузским и караимским в обозначении деревьев и кустарников проявляется не только в лексическом, но и фонетическом (например, *кестане – каштан, дут*), морфологическом (например, *кьызылчыкъ – кизил*) уровнях.

Итак, в пределах данной тематической группы крымскотатарский язык обнаруживает значительную близость с огузскими, и прежде всего – с турецким и гагаузским языками.

Исследованию названий частей растений в тюркских языках К.М. Мусаев посвятил специальные разделы в монографиях, в которых детально рассматриваются общетюркские, межатюркские и ареальные лексические единицы, обозначающие морфологические части растений, выявляются их фонетические, морфологические и семантические особенности. Поэтому здесь мы не будем подробно останавливаться на всесторонней характеристике названий частей растений в тюркских языках, а попытаемся установить в пределах данной лексической группы ближайшие к крымскотатарскому родственные тюркские языки.

В крымскотатарском языке к названиям морфологических частей растений относятся: *тымыр* «корень», *кьабукъ* «кора», *пытакъ*// *дал* «ветвь», *башакъ* «колос», *япракъ* «лист», *кутюк* «пень», *тикен* «колючка, шип», *емиш* //

мейва» «плод дерева или кустарника», *урлукъ* «семя», *оркен* // *сап* «стебель», *бюр* «почка», *салкъым* «гроздь, кисть», *джилек* «ягода», *чубукъ* «черенок» и др.

Произведенный анализ крымскотатарских названий частей растений позволяет сделать следующие выводы.

1) Значительная часть крымскотатарских наименований частей растений – наиболее устойчивые и частоупотребительные общетюркские и широко распространенные межтюркские лексические единицы, возможно, возникшие до распада древнетюркской языковой общности на отдельные группы. К ним относятся, например, названия *япракъ* «лист», *къабукъ* «кора», *пытакъ* «ветвь», *башакъ* «колос», *тикен* «колючка», *шип*, *сап* «стебель». Указанные наименования функционируют во всех или в большинстве современных тюркских языков с некоторыми фонетическими и морфологическими расхождениями. Следовательно, их можно разбить на ареалы не по лексическому, а по фонетическому или морфологическому признакам.

2) Названия *салкъым* «гроздь, кисть», *кутюк* «пень», *дал* «ветвь, ветка», *филис* «побег, росток» отражают близкую связь крымскотатарского языка с языками юго-западной, или огузской, группы (в первую очередь, с турецким). Заметим, что *дал* и *фидан* «росток, побег» зарегистрированы только в крымскотатарском и турецком языках.

3) Близость крымскотатарского языка с обширной группой кыпчакских языков проявляется в обозначении *корня (тамыр)* и *семени (урулукъ)*. В огузских языках используются *кӱк* – *корень* и иранское заимствование *тохум* – *семя*.

4) Употребление в крымскотатарском языке двух синонимичных лексем *мейва* и *емиш* для обозначения плода дерева или кустарника свидетельствует о том, что крымскотатарский язык занимает промежуточное положение между огузскими и кыпчакскими языками, так как в огузских языках основным наименованием рассматриваемой части растения выступает иранское заимствование *мейва*, а в кыпчакских – исконно тюркское *емиш*.

Список источников:

1. Махмуд Кашгарский «Диван-у лугат-ит тюрк» Ташкент: Изд-во АН УзССР. Т. I. 1960. – 499 с.; Т. II. 1961. – 428 с.; Т. III. 1963. – 461 с.
2. Древнетюркский словарь (ДТС). Л.: Наука, 1969. – 676 с.
3. Башкирско-русский словарь. М.: Изд-во иностранных и национальных словарей. 1958. – 803 с.
4. Каракалпакско-русский словарь. М.: Изд-во иностранных и национальных словарей. 1958. – 888 с.
5. Караимско-русско-польский словарь. М.: Русский язык. 1974. – 687 с.
6. Крымскотатарско-русский словарь. Киев, 1988. – 236 с.
7. Кумыкско-русский словарь. М.: Сов. Энциклопедия, 1969. – 408 с.